

Кирилл ЛАВРОВ:

МОИ ЗРИТЕЛИ —

Мы беседуем с Кириллом Лавровым, артистом Ленинградского Большого драматического театра, народным артистом СССР, делегатом XXV съезда КПСС, и задаем ему несколько вопросов, суть которых сводится к тому, какими видит Лавров своих сегодняшних героев и сегодняшних зрителей. То, что они стали другими за последнее десятилетие, — это очевидно, но как они изменились? Что волнует их теперь больше и ради чего артисты ежевечерне выходят на сцену?

Мы не случайно соединяем в своих вопросах тех и других: искусство сцены живо признанием публики. Она — его судья и его адвокат.

«Зритель всегда прав» — вот что в конце беседы скажет Лавров, и признание это не будет данью вежливости. Не будет хотя бы потому, что в памяти Лаврова живы случаи — и свои, и товарищеские по профессии, когда реакция зрительного зала не совпадала с той, которую они ждали, на которую рассчитывали, когда готовили роль. «Разумеется, прежде всего винишь себя — не так сыграл, не то нашел, но бывает: и то, и так, а резонанс все равно неожиданный...».

Об этом Лавров говорил тоже и искал этому объяснение. Однако в главном его точка зрения оставалась неизменной, и один из аргументов, ее подтверждающих, заключался в том, что у них в театре принцип доверия к зрителю утвердился и воспитывается.

— Характеры действующих лиц меняются с развитием общества. Я хорошо помню того юношу или, вернее, тех юношей, которых играл в начале пятидесятых годов. Они были трафаретны, неглубоки, однако я эти роли играл, и не то чтобы очень уж вопреки себе. И публика со спектакля не уходила, смотрела. Я вдруг подумал: а что, если реконструировать эти постановки в прежнем виде? Зритель не пошел бы в театр, я в этом не сомневаюсь.

Наши дети если не умнее, то, во всяком случае, информированнее нас — таких, какими мы были в их возрасте. Отсюда те требования, которые они предъявляют сегодняшней сцене, сегодняшнему искусству. Театр не может жить самостоятельной жизнью — он нужен, он волнует, если находится на уровне зрительного зала. На моем сегодняшнем уровне тоже, потому что я изменился за те 26 лет, которые прошли со дня моего дебюта.

Завоевать сегодняшнего зрителя очень и очень не просто. Не усадить его перед телевизором — это несколько другое дело, но завоевать, убедить в правоте твоего мнения, твоих суждений. Как это сделать — другой вопрос. Я считаю, что интересен процесс психологического усложнения характера и спектакля в целом.

Некоторые почему-то воспринимают это слово с недоверием. В сложности им видится запутанность, неопределенность позиции, тогда как на самом деле сложность — это в первую очередь богатство ума и сердца. Это совесть, это принципиальность, это готовность до конца быть верным тому, во что веришь.

Необходимо заметить: роль режиссера в современном театре возросла именно потому, что герои стали богаче и сложнее. Режиссер в большей степени, чем кто-либо другой, озабочен тем, чтобы извлечь из происходящего сокровенный смысл, дать направление актеру.

Это не значит, что мы бездейственны, пассивны, но для того, чтобы увлечь зрителя, в спектакле, как в жизни, должна ощущаться зависимость одного от другого, «я» — от ансамбля. Только тогда, когда это условие соблюдено, мысль художественного произведения способна предстать перед зрителем во всем разнообразии и полноте.

Однако вернемся к герою и ко всему тому, что проблема героя вольно или невольно задевает. На мой взгляд, она задевает проблему классики и делает это самым непосредственным образом.

- Кирилл Юрьевич, сколько лет вы в театре?
- Двадцать шесть.
- А сколько ролей сыграли за это время?
- Абсолютно точную цифру назвать не могу, но около ста сыграл.
- А в кино?
- Тридцать пять.

МОИ ГЕРОИ

Я не скажу ничего нового, если замечу, что классическая пьеса переживает сейчас пору расцвета. Нет театра, который не мечтал бы играть Чехова, Горького, Островского, Гоголя, Шекспира. А между тем все мы помним время, когда классику ставили мало и ставили только потому, что она — классика. Отдавали ей дань вежливости — не более. Почему? А потому, что заранее было известно, как и ради чего эти пьесы ставить. Художественная концепция была predetermined прошлыми постановками и в силу этого не могла заинтересовать ни публику, ни театры.

Опыт работы над хорошей современной драматургией заставил актеров и режиссеров по-иному отнестись к классике. Структура художника стала тоньше, восприимчивее, гражданственнее — это дало ему возможность увидеть в известном произведении то, что отвечало запросам времени.

Для меня в этом смысле особенно памятно «Горе от ума», где я играл Молчалина. Исходя из общего замысла спектакля, мой герой виделся режиссеру А. Товстоногову фигурой по-своему значительной. Не просто «услужлив, скромненький», но человек, обладающий определенной жизненной философией, которую

он довольно успешно противопоставляет философии Чацкого.

Молчалин отнюдь не дурак и прекрасно видит, что преуспевают такие, как он, — отсюда его покровительственный тон по отношению к Александру Андреевичу, его не то чтобы смелость, но и неполная растерянность в финале. Фамусову без Молчалина, молчалиных — сложно, вот из чего я исходил, и режиссер поддержал меня. Софья в обмороке, Чацкий едва не сходит с ума, а мой герой появляется как ни в чем не бывало: что, мол, у вас тут произошло?

Услужливые молчалины не перевелись — наш гнев в их адрес не может быть отвлеченным, анализ характера — неточным.

Мне часто приходится играть положительных героев, и я играю их с удовольствием, но только в том случае, если характер не задан с пеленок. Это не значит, что необходимо совершать какие-то нарочитые ошибки, сомневаться там, где все ясно, и т. д., и т. п. Но это значит, что зритель поверит мне и заинтересуется мною тогда, когда увидит, что я действительно о чем-то думаю, что-то защищаю, кого-то люблю, с кем-то борюсь.

У действующего лица должна быть своя биография — всю жизнь в одной пьесе

не покажешь, но предыстория должна существовать, иначе выходишь на подмостки пустой. Почему актеры с такой радостью играют Александра Вампилова? Да потому как раз, что эта предыстория у его персонажей есть. Понимаешь, кого играешь, понимаешь, зачем играешь, вместе со зрителем втягиваешься в процесс жизни, воссозданный писателем.

Кстати — вы ведь принимаете формулу: жизнь сложна? Разве она не должна быть отнесена и к театру?

— В заключение вопрос анкеты «Недели». В каком литературном произведении, фильме, спектакле последнего времени наиболее полно, на ваш взгляд, отображен наш образ жизни?

— Таких произведений много, всех не перечислить. Но — быть может, это покажется парадоксальным — я назову «Калину красную» Шукшина, повесть Распутина «Живи и помни». Герои этих произведений — натуры сложные, судьбы их трагичны, но эту трагичность ощущаешь тем больше, что судьбы эти противостоят нашей жизни, ее нравственным законам и понятиям. В том-то и состоит реальная сила советского образа жизни. Иначе зачем казнил бы себя Егор Прокудин, Настя — жена дезертира, он сам в «Живи и помни»?